

DOI: 10.23681/500099

В. И. Максимов

ЛИТЕРАТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ К «СЛОВУ О ПОГИБЕЛИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ»¹

Аннотация: В статье рассматриваются исторические и хронологические обстоятельства создания и переписывания древнерусского литературного памятника XIII в. «Слово о погибели Русской земли» и предлагается объяснение «темных» терминов «погибель» и «болезнь» в соответствии с миропониманием христиан средневековой Руси и их умунастроением в ожидании конца света.

Ключевые слова: древнерусская литература, Русская земля, погибель, болезнь, христианство, конец света.

V. I. Maksimov

LITERARY-CHRONOLOGICAL NOTES ON "THE TALE OF THE RUSSIAN LAND'S BANE"

Abstract: The essay explores historical and chronological circumstances of the creation and rewritings of the Old Russian literary monument of the 13th century "The tale of the Russian land's bane" and proposes explanations for such "dark" terms as "the bane" and "the illness" consistent with the worldview of Christian people in medieval Russia and their doomsday-awaiting mindset.

Keywords: Old Russian literature, Russian land, bane, illness, Christianity, doomsday.

Небольшой начальный отрывок текста под названием «Слово о погибели Русской земли» [1], датируемый второй четвертью XIII в., по образному высказыванию А. С. Демина, принадлежит «к загадочным и даже головоломным произведениям» древнерусской литературы [6, с. 335].

Эта загадочность обусловлена в основном недостаточностью общего контекста произведения из-за малости дошедшей до нас

¹ Автор благодарит доктора филологических наук, профессора И.Г. Добродомова за внимательное прочтение рукописи и указание некоторых погрешностей в оформлении статьи.

его части. В самом же «Слове» наибольшую трудность для понимания представляют «погибель» из заголовка памятника по Псково-Печерскому списку и «болезнь крестияном», сообщением о которой заканчивается сохранившаяся часть текста. Причем оба эти понятия – «погибель» и «болезнь»¹ – прочно соединяются в восприятии современного читателя уже на эмоционально-интуитивном уровне. Естественно, что при этом восприятие «болезни» оказывается негативным, а само слово обычно объясняется в переносном смысле как горе, беда или несчастье у христиан.

Такое толкование связано с традиционным представлением о «Слове» как нерелигиозном, светском, тексте, что, по-видимому, неверно. В недавно опубликованной работе [15] было высказано предположение о нумерологически закодированном имени Христа (888) в названии и в начальной «буквице» списка «Слова», принадлежавшего Псково-Печерскому монастырю [5], что указывает на возможно вовсе не светский характер последующего текста. Заметим, что в связи с агиографической перелицовкой «Слова» – «и без того не совсем светской его лирики» – в «Житии благоверного князя Федора Ростиславича» на это обращал внимание еще Н. И. Серебрянский [18, с. 73]². Поэтому при толковании «темных» понятий «погибель» и «болезнь» не следует исключать из рассмотрения их употребление в церковных и религиозных текстах.

Отметим сразу, что если «погибель (по смерти великого князя Ярослава)», возможно, не включает время Ярослава Мудрого, то «болезнь», несомненно, его покрывает: «А в ты дни болѣзнь крестияном от великаго Ярослава и до Володимера, и до нынѣшняго Ярослава, и до брата его Юрья, князя Володимерьскаго», поскольку несомненными героями фразы являются Ярослав Мудрый, Владимир Мономах, отец Александра Невского – Ярослав Всеволодович († 1246) и брат последнего – владимирский князь Юрий Всеволодович († 1238).

¹ Обзор существующих толкований «погибели» и «болезни» представлен в статье А. А. Горского [4]. Автор статьи приходит к выводу, что наиболее достоверным является понимание «погибели» как татарского разорения Руси, в том числе захвата Батыем Владимиро-Суздальского княжества в 1238 г., а «болезни» – как княжеских усобиц («распри и которы»), приведших к ослаблению Русского государства.

² По-видимому, Н. И. Серебрянский имел в виду возгласение «о прававѣрная вѣра християнская!» и торжествующую удовлетворенность констатации «то все покороено было богом крестиянскому языку поганьскыя страны».

Обычно «погибель» принято объяснять как разорение Русской земли после смерти Ярослава Мудрого, с чем нелегко, однако, согласиться, вспомнив о процветании Русской земли в эпоху правления, например, Владимира Мономаха, на что указывается и в самом «Слове». Характерно, что А.С. Демин в своем анализе не обходит вниманием это противоречие: «Таких благополучных периодов, по “Слову о погибели”, было два: первый – при Ярославе Мудром, в первой половине XI в.; и второй период – от Владимира Мономаха и до Всеволода Большое Гнездо включительно, с начала XII по начало XIII в.» [6, с. 340]. Что касается «болезни», то автор исследования толкует ее как состояние «сердечного или душевного беспокойства, печали, горя христиан», без указания, однако, причин такого угнетенного душевного состояния.

Таким образом, главным недостатком устоявшегося толкования как «погибели», так и «болезни» является то, что приходится исключать из рассмотрения «счастливые» времена правления Ярослава Мудрого (1019–1054), а также Владимира Мономаха (1113–1125) и его потомков, в том числе правление Всеволода Большое Гнездо во Владимиро-Суздальском княжестве (1176–1212) – ни много ни мало целое столетие с лишком, а затем говорить о «рецидиве болезни». Более того, возможно, что эта страшная «христианская болезнь» поразила не только Русь, но весь христианский мир, а правления русских князей используются здесь только для указания момента начала «болезни» и длительности ее течения. В чем же причина этой напасти?

А причина была по тем временам весьма существенная и самая, что ни на есть, горькая. Для того чтобы эту причину понять, следует вернуться к истории принятия на Руси христианства. С чего бы это кагану Владимиру, развратному и греховному, воинствующему язычнику, еще совсем недавно ставившему в Киеве деревянных кумиров, вдруг захотелось обратиться в христианство? Историки не дают определенного ответа на этот вопрос, обычно пускаясь в рассуждения о необходимости объединения многочисленных племен, населявших Киевскую Русь, на базе своеобразной «национальной идеи». А поскольку этому объединению препятствовало разнoboжие, то «национальной идеей» оказалось христианство. Но, скорее всего, «национальная идея» здесь ни при чем. Дошли до Владимира слухи о приближающемся конце света: втором пришествии Христа и Страшном суде. Затем об этом, вместе с библейской историей человечества, поведал ему присланный от греков «философ» и «показал

Владимиру полотнище («запону»), на котором написано было судилище Господне, направо указал ему праведных, в веселии идущих в рай, а налево – грешников, идущих на мучение». И сказал: «Если хочешь стать с праведниками, то крестись». Картина произвела впечатление, и захотелось Владимиру в рай, а не в ад, тем более что некоторые соседи-славяне уже приняли христианство: Болгария – около 860 (6368) г. – византийское, Польша – в 966 (6474) г. – римское. Поначалу Владимир, сдерживаемый боярами и городскими старейшинами, немного помедлил, но в 988 (6496) г. Киевская Русь срочно приняла православие – до конца столетия и одновременно конца света оставалось всего неполных 4 года¹: конец света планировался церковью на год 1000-й от Рождества Христова, а тот же «философ» сообщил Владимиру, что Христос родился в 5500 г. от сотворения мира². Теперь эту дату относят к антиохийскому летосчислению и поэтому считают ошибочной, однако тогда в тонкостях летосчисления вряд ли разбирались. Однако к огромному разочарованию не только новообращенных в христианскую веру, но всей христианской цивилизации, ожидаемое счастье райской жизни не наступило. Земная же средневековая жизнь была тяжела, а обещания другой жизни так светлы и прекрасны. И продолжилась «болезнь» – мучительное ожидание наступления обещанной христианам счастливой вечной жизни: хуже нет, чем ждать да догонять, говорит народная мудрость. Естественно, первая для христианского мира дата ожидаемого конца света была перенесена. Какой же следующий момент показался церкви наиболее удобным? Ответ практически очевиден. Не случилось второго пришествия в год 1000-летия Рождества Христова. Ну, что же, это не беда. Год 1031 от рождения Христа³,

¹ Более того, за 3,5 года до конца света и Страшного суда «Откровение от Иоанна» предрекает приход и правление Антихриста.

² Эта дата приводится в «Повести временных лет» (речь «философа»): «в лето 5500 послан был Гавриил в Назарет к деве Марии <...> сказать ей: «Радуйся, обрадованная, Господь с тобою!» И от слов этих понесла она в утробе Слово Божие, и родила сына, и назвала его Иисус».

³ К заключению о казни Христа в 30-летнем возрасте можно прийти на основании рассказа «философа». Дионисий Малый, установивший в VI в. эру от Р.Х., также считал, что Христос воскрес 25 марта 5539 г. «от Адама», или 31-го года н. э. Так считала и средневековая римская церковь: вряд ли случайным совпадением является то, что по прошествии ровно 1400 лет, с 1431 г., при папе Евгении IV, папская канцелярия начала регулярно указывать даты по христианскому летосчислению [12, с. 250].

ровно 1000 лет, прошедших после принятия им мук за все человечество, воскрешения и вознесения с обещанием возвратиться подходит еще лучше.

На Руси это время – самый расцвет правления Ярослава Мудрого (1019–1054). По византийскому летосчислению «от Адама» это был год 6539, ничего особенного не значащий. Однако в те времена летосчисление еще не было приведено к единообразию, и космических эр от сотворения мира существовало множество. И, естественно, при формировании прогнозов на конец света рассматривались все подходящие датировки. Кроме византийской «эры от Адама» со сдвигом относительно нашей эры на 5508 лет и антиохийской эры со сдвигом на 5500 лет существовала «старшая» *антиохийская* эра со сдвигом на 5969 лет [12, с. 236]¹. Теперь о ней почти никто не помнит, а тогда она не могла быть еще забыта, поскольку именно в Антиохии (в средние века – север Сирии, ныне – г. Антакия в Турции) существовал крупнейший христианский центр². Именно там возникла первая христианская община, там же находилось место пребывания патриарха, проходили церковные соборы и проводились многочисленные богословские диспуты. Антиохийская церковь, возглавляемая с середины V в. патриархом, и поныне является автокефальной православной церковью. И по этому антиохийскому летосчислению как раз в 1031 г. исполнялось 7000 лет миротворения. Совпадение двух столь знаменательных дат не должно было подвести, не могло обмануть ожидания церкви и верующих: вот он, конец света, долгожданный переход к вечной райской жизни.

Точно так же в 1492 г. весь христианский мир в очередной раз ждал конца света по случаю 7000-летия мира уже по византийскому летосчислению. Это ожидание светопреставления, имевшее место уже в эпоху развитых письменности и коммуникаций, оставило многочисленные документальные свидетельства, а

---

¹ С наименованием эр в литературе существует некоторая путаница. Так, А. Г. Кузьмин [9, с. 29; 16, с. 45 комментариев, 62 комментариев**] указывает для *антиохийской* эры сдвиг в 5500 лет. Так же считает Г. Гече [3, с. 18]. Очевидно, речь идет о разных антиохийских эрах.

² Преимущества Антиохийского митрополита (наравне с митрополитами Александрийским, Римским и Иерусалимским) были установлены еще канонами I (Никейского) Вселенского собора в 325 г.

несбывшийся прогноз вызвал кризис если не христианской веры, то церкви, ответственной за вновь не выполненное обещание¹.

Ментальное состояние русского общества в тот исторический период, видимо, отразил «Хронограф 1512 г.». Характерным является отмеченное А.С. Деминым пессимистическое умонастроение составителей «Хронографа»: «безусловно положительных характеристик византийским царям <...> фактически нет. Хороший царь все равно становится плохим», «хорош только первый христианский царь – Константин Великий», «жизнь в общем беспросветна – и в Ассирии, и в Риме, и в Византии, и в иных странах и землях», и хотя «Россия <...> благополучна» в заключительной фразе «Хронографа», «вовсе не так оптимистично в нем предшествующее изложение о Руси, доведенное до 1451 г.», а в целом в нем «преобладает давящий пессимизм». Автор, однако, не пришел к определенному выводу о причинах этого, ограничившись высказыванием, что «реальные объяснения такому умонастроению еще предстоит найти», вопросительно предположив, что возможной причиной могло быть «предчувствие неминуемых бед от крепнущей центральной политической власти» [7, с. 81–90].

А дело, видимо, в том, что «Хронограф 1512 г.» вышел в свет всего через 20–30 лет после в очередной раз не состоявшегося конца света². К тому же не так давно, в 1453 г., пал под натиском турок-мусульман Константинополь, столица православного христианства. И пессимизм авторов «Хронографа» вполне естественен: царство Божие на земле опять не наступило, а значит, не заслужили, значит, плохо, несправедливо жили и живем. И ответственны за это в первую очередь правители – и исторически плохие, и считавшиеся ранее хорошими. Однако надежда еще не покидала авторов «Хронографа», и они аккуратно перечисляют многочисленные признаки конца света: зловещие знамения в солнце и иконах, мор и болячки наравне с чудесами исцеления.

¹ Следует отметить, что у этих ожиданий несостоявшегося конца света были и позитивные последствия. Западная Европа начала готовиться к переходу в Царство Божие примерно за 100 лет до ожидаемого конца света – строились храмы, создавались картины на библейские и античные темы и т. д. Эта подготовка началась в Италии, а к концу XV в. распространилась на другие европейские страны. Впоследствии это явление получило название Ренессанса. И когда конец света не наступил, остановить это движение было уже невозможно, и оно продолжилось вплоть до начала XVII в., фактически обозначив конец эпохи средневековья.

² Б. М. Клосс датирует написание «Хронографа» 1516–1522 гг. [13, с. 159].

Но до всего этого пока еще далеко, а в 1031 г. конец света опять не наступил, и «болезнь христианам» продолжилась, безо всяких изъятий и перерывов покрывая и тяжелые, и счастливые времена. Недолгое пустое ожидание в 30 лет, от 1000-летия рождения Христа до 1000-летия его казни, осталось почти незамеченным летописцами. Скорее всего, потому, что церковь, за которой было закреплено летописание, совсем не была заинтересована в исторической фиксации своего промаха. Но все же в «Повести временных лет» под 1030 г. читаем: «В лето 6538 <...> В се же время умре Болеславъ Великий в лясахъ. И бысть мятежъ в земли Лядьске. Вставше людеъ избища епископы, и попы, и бояры своя. И бысть в нихъ мятежъ». Не про себя, а про соседей латинян оказалось написать можно, правда, без указания причин избиения попов и епископов.

На Руси запоздалой реакцией на неслучившееся второе пришествие, по-видимому, явилось движение волхвов 1071–1076 гг., проявившееся в Киеве, Ярославле, в Ростовской области на Белоозере и в Новгороде при князе Глебе Святославиче. Новгородский волхв, изображая Христа, говорил «перейду Волхов на глазах у всех». Характерно, что население поддерживало волхвов, а не церковников: волхв «творяся акы бог <...> и вси яша ему веру, и хотяху погубити епископа», «князь Глеб и дружина его пошли и стали около епископа, а люди все пошли и стали за волхвом». Примерно в то же время (107–1073) в Болгарии произошло антицерковное восстание богомилов [14, с. 46], главным символом учения которых была «Тайная книга», или «Иоанново евангелие», предсказывающее конец света и Страшный суд.

Возможно, все эти события своей 40-летней задержкой обязаны символическому значению числа 40 и богословской концепции: 40 дней Господа равны 40 летам земным. На всякий случай немножко подождали.

В исторических хрониках и летописях долгое ожидание никак не наступающего конца света не нашло отражения, а вот осколок «темного» литературного памятника сохранил нам свидетельство духовного состояния русского общества в начале XIII в. Прекрасная «свѣтло свѣтлая и украсно украшена <...> Всего еси исполнена земля Русская» была готова ко второму пришествию Христа. По времени правления последних упомянутых князей можно догадываться, что обострение болезни вызвано завоеванием крестоносцами Константинополя (1204), являвшегося источником православной веры, и нашествием на Русь Батые. Но конец

света все никак не наступал, несмотря на явные апокалипсические признаки – войну царств и народов.

Единственное безусловно позитивное событие для Руси – принятие христианской веры – пришлось на правление Владимира. Поэтому русская «болезнь крестианом» не включает время Владимира Крестителя и в «Слове» отсчитывается от правления Ярослава Мудрого. И именно в ожидании близкого конца света, а вовсе не в близости правления Ярослава Мудрого к вступлению Руси в христианский мир, видимо, и заключается причина исключительной боголюбивости князя: увлечение строительством церквей, созданием библиотек божественных книг, организацией переводов христианской литературы с греческого на славянский язык и писания книг¹. И горе земли Русской состояло в том, что упомянутая «болезнь крестианом» никак не заканчивалась переходом в вечную жизнь в царстве божием.

Так возникла «христианская болезнь» Русской земли – ожидание светопреставления, – под которой автор «Слова» понимал все существование Русского государства в преддверии наступления обещанной вечной жизни. И эта «болезнь» длилась непрерывно, а не 60 лет с последующим исцелением, а затем внезапным 40-летним рецидивом после 100-летнего «здоровья». Исключением из истории «болезни», естественно, являлось только правление Владимира, при котором осуществился переход Русской земли в христианскую веру, деяние *абсолютно* позитивное, без которого вопрос о спасении вообще бы не стоял. Так же, как и в «Хронографе 1512 г.», «хорош только первый христианский царь – Константин Великий».

Откуда же взялось само слово «болезнь»? Первоисточниками «христианской болезни» являются Евангелия, объявляющие «болезни», наряду с другими бедствиями, предвестниками второго пришествия Иисуса Христа:

«приступили к Нему ученики наедине и спросили: скажи нам, когда это будет? И какой признак Твоего пришествия и кончины века?» и «Иисус сказал им в ответ: <...> восстанет народ на народ, и царство на царство, и будут глады, моры <...> Все же это начало *болезней*» (Мф. 24: 3–8);

«спрашивали Его наедине Петр, и Иаков, и Иоанн, и Андрей: Скажи нам, когда это будет, и какой признак, когда это все

¹ Аналогичное явление усиленного церковного строительства и расцвета «житийной» литературы около 1000-го г. в связи с ожидавшимся концом света отмечено по всей Западной Европе [2, с. 390, 407].

должно свершиться?» и отвечал им Иисус: «восстанет народ на народ, и царство на царство; и <...> будут глады и смятения. Это начало *болезней*» (Мк. 13: 3–8)¹.

Там же указаны и другие признаки наступающего конца света и путь к спасению:

«тогда будут предавать вас на мучения и убивать вас; и вы будете ненавидимы всеми народами за имя Мое» (Мф. 24: 9);

«претерпевший же до конца спасется» (Мф. 24: 13);

«И будете ненавидимы всеми народами за имя Мое; претерпевший же до конца спасется» (Мк. 13: 13);

«и когда увидите то сбывающимся, знайте, что близко Царствие Божие» (Лк. 21: 31).

Конец света, за которым последует тысячелетнее царствование Христа, был провозглашен еще в Откровении Иоанна Богослова: «И сказал мне [Ангел] не запечатывай слово пророчества книги сей; ибо время близко» (22: 10). Церковь, объявляя конкретное время конца света, поначалу связала его наступление с 1000-летием Рождества Христова.

Следует отметить, что на фоне общепринятого негативного восприятия «болезни» существуют примеры, хотя и немногие, ее позитивного толкования: «Эта *болезнь* не к смерти, но к славе Божией, да прославится чрез нее Сын Божий» (от Иоанна 11: 4. История болезни, смерти и воскрешения Лазаря); «Дней лет наших – семьдесят лет, а при большей крепости – восемьдесят лет; и самая *лучшая* пора их – труд и *болезнь*, ибо проходят быстро, и мы летим» (Псалтирь. Псалом 89-й. Молитва Моисеева, человека Божия. 89: 10). Столетием позже написания «Слова», в 6860 (1352) г., в связи с жутким мором в Новгороде летописец говорит о болезни и смерти вполне одобрительно: «Того же лѣта бысть морь силенъ в Новѣградѣ, прилучися приити на ны, *по челоуѣколюбю Божию*, праведному суду его; // множество бецислено *людии добрых помре* тогда. // Не токмо же в единомѣ Новѣградѣ бысть сия смерть, мню, яко по лицу всея земья походи; и ему же Богъ повелѣ, тѣ умре, а его же снабди, сего кажа наказует» [16, с. 424]. Следовательно, смерть воспринималась как благо, а выздоровление для дальнейшей земной жизни как наказание.

Толкование «болезни христиан» как всей мирской жизни в ожидании перехода к жизни вечной находим в «Повести о

¹ Аналогичное описание признаков приближающегося конца света присутствует в Евангелии от Луки (21: 7–26), но о «болезни» там не говорится.

Варлааме и Иоасафе», переведенной в XI – начале XII в., где все житейское «печаль творит..., скорбь же имам в мире семь <...> *Крестьянское же болезнь* временна». То есть в этом мире – печаль и скорбь, зато вот потом, в царстве Божьем, – счастье и радость. И, конечно же, именно христианам, только для них земная «болезнь» временна. Остальным же – мучения вечные.

Истоки представления о жизни как болезни, предшествующей вечности, очень глубоки. Так, последними словами умирающего Сократа, зафиксированными в диалоге Платона «Федон» [17], были: «Критон, мы должны Асклепию петуха. Так отдайте же, не забудьте». Научный комментатор издания В. Асмус поясняет: «По выздоровлении в жертву Асклепию¹ приносили петуха. Смысл просьбы Сократа – в его взгляде на смерть как на исцеление от *болезни*, с какой Сократ сравнивает жизнь» [17, с. 441].

А что же «погибель»? Кроме Псково-Печерского списка «Слова», совместное употребление «погибели» и «болезни» встречаем в «Слове на соборъ архистратига Михаила», относящемся, судя по фразе «Глаголетъ же яко по *седмихъ тысящахъ лѣтъ* приходъ Хр(ис)т(о)въ будетъ», к концу XV в. В нем оба эти понятия однозначно связаны с грядущим концом света, предрекая который, автор говорит: «Се уже видимо, любимии, кончина міру приближися и урокъ житію нашему приспѣ, и лѣта сокращаются, и уже мало время житія нашего вѣка сего видети. Яко же Г(оспо)дь во Евангеліи сице: востанеть бо языкъ на языкъ и цар-(с)тво на ц(а)р(с)тво, и <...> страхованія же и знаменія велія съ небесе будутъ, и все же сіе начало *болѣзнемъ*.» Далее идет описание конца света в духе пророчества пророка Даниила, которое заканчивается призывом: «да не омрачивше себе *погибнемъ*, благая творяще, избудемъ вѣчныя муки, и ц(а)р(с)твія Б(о)жія достойни будемъ благодатію Г(оспо)да нашего И(су)са Хр(и)ста ...» [19, с. 270 (18)]².

Неизвестный автор «Казанской истории» (середина XVI в.), излагая русскую историю периода монгольского ига, писал об упомянутом в «Слове» великом князе Ярославле Всеволодовиче: «И изнеможение видя людей своихъ и *конечныя* ради *погибели* земли своя опустѣние, еще же и злобы царевы бояся, и властемъ его дары дающе, насилия терпѣти не могуще». А на похоронах

¹ Асклепий — греческий бог врачевания (римский Эскулап).

² Автором «Слова на соборъ» его публикатор А. Розов считает митрополита

Александра Невского, по свидетельству Псковской летописи, народ кричал: «Уже *погибаем!*»

Погибель, которая в первую очередь связывалась со Страшным судом, – это конец земного существования с возможным последующим переходом в вечность. Вот как грозит за нанесенное ему оскорбление святой Григорий-чудотворец из «Киево-Печерского патерики» князю Ростиславу Всеволодовичу и его дружинникам, идущим в поход на половцев в 1093 г.: «Но плачитесь своеа *погибели* и кайтесь своих согрешений, да поне отраду примите в Страшный день». Григорий указывает оскорбившим его путь к спасению: «плачитесь» и «кайтесь». В отличие от них незадачливый новгородский волхв, которого зарубил топором Глеб Святославич, «погиб телом и душой, отдав себя дьяволу», т. е. погиб безвозвратно.

Следовательно, «погибель», за которой должно последовать обретение царства Божия, понятие в определенном смысле позитивное. Поэтому «Слово» – это вовсе не описание горестей Русского государства и не плач по случаю его гибели. Своей торжественной и светлой стилистикой «Слово» напоминает гимн. При этом не вызывает сомнений его христианская мотивированность, связанная с ожиданием конца света¹.

Эти затянувшиеся ожидания отмечаются в работах исследователей древнерусской истории. Так, об ожидании конца света на рубеже XI–XII вв., подкрепленном признаками его приближения в виде появления на Руси половцев, пишет А. Ю. Карпов [11, с. 6]. И эти ожидания не прерывались в XIII в. Более того, по сравнению с XII в. *болезнь* должна была прогрессировать: в результате захвата крестоносцами в 1204 г. столица православия Константинополь оказалась под властью латинян² («царство на царство»), а тут еще татаро-монгольское нашествие («язык на язык»).

На подобное состояние общества в более поздний период указывает В. В. Зуйков: «Конец XV в. в России был временем напряженных эсхатологических ожиданий. Оканчивалась «седьмая тысяща» лет от сотворения мира, после захвата Константинополя перестала поступать Пасхалия, что служило для современников признаками конца земной жизни» [10, с. 822]. «И хотя ко времени *окончания* строительства храма Вознесения в Коломенском

¹ Ввиду изложенного трудно согласиться с А. А. Горским, который относит «Слово о погибели Руския земли» к светским произведениям [4, с. 38].

² До восстановления Византии в 1261 г.

(1515 г. – В.М.) эсхатологическое напряжение должно было несколько ослабнуть, Русское христианское царство – «Третий Рим», «Новый Израиль» готовилось к нему (концу света. – В. М.)» [10, с. 830].

«Слово» было написано как апофеоз гибнущему под ударами татар Русскому государству. Но нашествие Батые воспринималось в рамках религиозного мировоззрения XIII в. уже не как кара Божья, а как последнее испытание христианам на фоне явных признаков приближающегося конца всей земной жизни, и «болезнь» только усилилась. Как видно из приведенных выше примеров, такое понимание «христианской болезни» возникло вместе с христианством и еще сохранялось в XIV–XV вв.¹

Включение «Слова» в Псковский сборник 1486–1487 г., скорее всего, было вызвано приближением очередного конца света, ожидавшегося в 1492 г. По-видимому, именно в связи с усилившимися в этот период апокалипсическими настроениями, на которые не повлияло даже окончательное избавление от татаро-монгольского ига в 1480 г., текст «Слова» был извлечен из архивов и поновлен.

В заключение несколько слов о незаконно оторгнутой издателями последней фразе «Слова», соприкасающейся с «Житием Александра Невского». Обычно древнерусские «Жития» начинались молитвенным обращением к богу («Господи, помози!»; «Благослови, отче!»; «Господи, благослови.» и т. п.), и поэтому утверждение, что данное «Житие» написано по воле Божьей – «О госпoде бoзе нашeм», – представляется весьма странным для этого жанра. Еще Н. И. Серебрянский и впоследствии согласный с ним Ю. К. Бегунов отмечали, что в «Житии Александра Невского» эти слова «не имеют внешней связи с контекстом и поставлены не на месте» [1, с. 142].

Непонимание религиозной направленности «Слова» как переписчиками, поставившими точку после имени князя Юрия Владимирского и начавшими следующую фразу с заглавной омеги (хотя точки в рукописи стоят довольно хаотично и такая же неверная точка стоит после слов «а немци радовахоуся далече боудоуче» и начатым с заглавной буквы ее продолжением «За синимь моремь»), так и исследователями, привело к неверному разделению текстов собственно «Слова» и слитного с ним в

¹ Это состояние ума людей христианского мира А.Н. Ужанков определяет как «теоцентрическое мировоззрение» [20, с. 105].

протографе «Жития Александра Невского». Окончание последней фразы «Слова» – «О госпoде бoзе нашeм» по обоим спискам отошло к «Житию», из-за чего эта фраза оказалась оборванной на полуслове. На самом деле после упоминания князя Юрия Владимировского не должно быть точки и, соответственно, заглавной омеги, а последняя дошедшая до нас фраза «Слова» должна заканчиваться так:

«А в ты дни *болъзнъ* крестияном от великаго Ярослава и до Володимера, и до ныншяного Ярослава, и до брата его Юрья, князя Володимерьскаго, *ω господъ бoзъ нашeмъ (o господъ нашeмъ Исусъ Христъ, сыне божию)*»¹.

Этой записи соответствует перевод:

«И все это время – от великого Ярослава и до Владимира, и до нынешнего Ярослава, и до брата его Юрия, князя Владимировского, – болезнь христианам по воле господа бога нашего (по воле господа нашего Исуса Христа, сына божьего)»².

Соответственно, «Житие Александра Невского» должно лишиться не относящейся к нему вводной фразы «*ω господъ бoзъ нашeмъ* – По воле божьей», (*О госпoде нашeм Исусе Христe, сыне божию* – По воле господа нашего Исуса Христа, сына божьего)»³.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII в. «Слово о погибели Русской земли». – М.; Л., Наука, 1965. – 232 с.
2. *Всемирная история: в 24 т.* – Мн.: Литература, 1996. – 592 с. Т. 7: Раннее Средневековье.
3. *Гече Г.* Библейские истории. – М.: Политиздат, 1990. – 318 с.
4. *Горский А. А.* Проблемы изучения «Слова о погибели Руския земли» // ТОДРЛ. 1990. Т. 43. – С. 18–38.

¹ Вариант, приведенный в скобках, встречается в списках «Жития», не содержащих «Слова о погибели», например, в списке Псковской второй летописи. Однако присутствие в таких списках этой неконтекстной фразы указывает на общий источник, в котором «Житию», вероятно, предшествовало «Слово о погибели» с вариантной записью о «болезни» от бога.

² Выражение «болезнь о бозе» по построению, видимо, однородно выражению «жизнь о бозе», часто встречающемуся в древнерусских текстах, поскольку в контексте «Слова о погибели» «болезнь» символизирует земную жизнь в ожидании конца света.

³ См., например: [8, с. 363–364].

5. Государственный архив Псковской обл. Ф. 449. № 60. Л. 245 об.
6. *Демин А. С.* Поэтика древнерусской литературы (XI–XIII вв.). – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 405 с.
7. *Демин А. С.* Из истории древнерусского литературного творчества XI–XVII вв. // Герменевтика древнерусской литературы. М.: Языки славянской культуры; Прогресс-традиция, 2004. Сб. 11 / отв. ред. М. Ю. Люстров. – С. 9–131.
8. Житие Александра Невского // «Изборник». Сборник произведений древнерусской литературы / подгот. текста, пер. и комм. Ю. К. Бегунова. – М.: Худож. лит., 1969. – С. 328–343.
9. Златоструй. Древняя Русь. X–XIII вв. / сост., авторский текст, коммент. А. Г. Кузьмина, А. Ю. Карпова. – М.: МГ, 1990. – 302 с.
10. *Зуйков В. В.* Иерусалимская идея в Москве конца XV – начала XVI в. и церковь Вознесения Господня в Коломенском // Герменевтика древнерусской литературы. – М.: Знак, 2005. Сб. 12. – С. 817–832.
11. *Картов А. Ю.* Об эсхатологических ожиданиях в Киевской Руси в конце XI – начале XII в. // Отечественная история. – М., 2002. № 2. – С. 3–15.
12. *Климишин И. А.* Календарь и хронология. – М.: Наука, 1985. – 320 с.
13. *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. – М., 1980. – 312 с.
14. *Кузьмин А. Г.* Падение Перуна. Становление христианства на Руси». – М.: МГ, 1988. – 240 с.
15. *Максимов В. И.* Гипотеза о нумерологической кодировке заголовка «Слова о погибели Русской земли // Древняя Русь: Пространство книжного слова. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – С. 184–191.
16. *Никитин А. Л.* Новгородская первая летопись и ее изводы. // Герменевтика древнерусской литературы. – М.: Знак, 2005. Сб. 12. – С. 407–448.
17. Платон. Избранные диалоги / сост. В. Асмуса. – М.: Худож. лит., 1965. – 442 с.
18. *Серебрянский Н.* Древне-русскія княжескія житія. (Обзор редакцій и тексты). – М.: Синодальная тип., 1915. – 165 с. Приложение 186 с.
19. Слово на соборъ архистратига Михаила // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей

- Российских. Год второй. Кн. 8 (12), ч. IV. Смесь. – М.: Университетская тип. 1847. – С. 249–273 (1–21).
20. *Ужанков А. Н.* Категории «ума» и «разума» в русском средневековом сознании // *Древняя Русь: Пространство книжного слова.* – М.: Языки славянской культуры, 2015. – С. 98–107.

Об авторе / About author

Владимир Иванович Максимов – независимый исследователь, г. Москва, Россия. E-mail: vladimir_maksimov44@mail.ru

Vladimir I. Maximov – Independent Researcher, Moscow, Russia. E-mail: vladimir_maksimov44@mail.ru